

НИНА АРТИХОВА

СВЕТЛАНА

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А86

Дизайн обложки: *Светлана Крашенинникова*

Иллюстрации для обложки и титула: *Анастасия Рассказова*

Иллюстрации для внутреннего оформления:
Анастасия Рассказова

А86 **Артюхова, Нина Михайловна.**
Светлана : [повесть] / Нина Артюхова ; худ.: Анастасия
Рассказова. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб,
2025. — 448 с. : ил. — (Детям о войне).

ISBN 978-5-17-174294-2

Близится к концу Великая Отечественная война. Судьба сталкивает сироту Светлану и младшего лейтенанта Костю, который везет ее устраивать в детский дом. Доброта, храбрость, заботливость худенькой маленькой девочки так покоряют лейтенанта, что они начинают переписываться и общаться, хотя Костя влюблен совсем в другую девушку...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-174294-2

© Н. М. Артюхова, наследники, текст, 2025
© А. М. Рассказова, иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

— И почему это все Гали — беленькие, а чуть Светлана — черная, как галчонок?

Девочка молча подняла на капитана огромные черные, без улыбки, глаза.

Странная маленькая фигурка. На вид — лет десять, не больше. А глаза старше, гораздо старше. Платье слишком короткое, давно из него выросла. Сверху надета вязаная старушечья кофта с какими-то необычными пуговицами. Она слишком широка и длинна, доходит почти до подола платья. К этой нелепой кофте аккуратно подшит белый отложной воротничок. Крупнокудрявые волосы — как широкая черная папаха над худеньким лицом.

Капитан придвинул к столу табуретку и сел. В избе ни одного целого стекла. За окнами кое-где еще дымятся кучи пепла и обгорелых бревен. Фронт уже передвинулся далеко на запад, деревня стала глубоким тылом — деревня или то, что осталось от нее... Около уцелевшего здания школы — санитарные машины и сестры в белых халатах. Пожарище зарастет, дома отстроятся... Но эти детские глаза без улыбки!

Хозяйка поставила на стол чугунок с картошкой и тихо сказала:

— Кушайте, касатики... Больше вас угостить нечем.

Морщинистое лицо, бледно-голубые, будто вылинявшие от слез глаза...

— Спасибо, мать, — ответил капитан. — Садись, мы тоже угощать будем. Ну-ка, Федя, чем сегодня богат? Подсаживайся, Ромашов.

Лейтенант с черными усиками сел на скамью у окна, молоденький белобрысый ординарец наклонился к вещевому мешку.

На столе появились консервы и сахар, толсто нарезанные хлеб и колбаса.

Капитан сделал приглашающий жест.

Хозяйка сказала:

— Спасибо вам... товарищи!

Она как-то особенно бережно выговорила это слово. Капитан опять повернулся к Феде:

— Сладкого, сладкого дай! Ведь у нас шоколад был... Светлана, где же ты?

Но девочка, покосившись на стол, уже выскользнула из комнаты и стояла на крыльце, обхватив тоненькой рукой деревянные перила. Федя с запасом провизии в руках вышел вслед за ней и уселся на верхней ступеньке крыльца.

— Садись сюда! — Он показал на ступеньку рядом. — Мы, товарищ капитан, здесь поужинаем. На свежем воздухе.

— Стеснительная она, — сказала хозяйка.

Капитан спросил:

— Внучка?

— Нет, — понизив голос, ответила хозяйка. — Ее мать учительницей у нас... была. А отца еще в сорок первом году... на фронте.

— У себя оставите?

— Не знаю, как и быть. Сами видите, какая у нас жизнь. Я все хвораю. Да и учиться ей надо.

— В детский дом нужно устроить.

— Вот и я ей говорила: придут наши...

— Странное дело, — сказал Ромашов, глядя в окно, — как будто мы сегодня в тылу и на отдыхе, а с Лебедевым уже что-то приключилось — успел в медсанбате побывать.

— Какой Лебедев? — удивился капитан. — Наш Костя? Так ведь он в штаб пошел, за документами.

Молодой белокурый офицер со свежей повязкой на руке шел, чуть заметно прихрамывая, через улицу от дверей школы. Федя вскочил со ступеньки крыльца:

— Товарищ младший лейтенант! Что это с вами?

Костя Лебедев вошел в избу, смущенно улыбаясь.

— Что у тебя с рукой? — спросил капитан.

— Пустяки, товарищ капитан. Возвращался из штаба... Там два домика в лесу стоят, на отлете. И вдруг бегут девушки: «Товарищ военный! У нас в погребе немцы!» Позвал ребят, взяли автоматы, кричим: «Хэнде хох!» Двое вышли, руки подняли, а третий, эсэсовец, гранату бросил.

— Сильно задело?

— Да нет, маленькие осколки.

— Некстати все-таки, перед поездкой. Документы получил?

— Все в порядке, товарищ капитан. — Он вынул бумаги и положил на стол.

— Вот видишь, — сказал капитан, разглядывая документы, — с сегодняшнего дня ты уже и не в дивизии. Ты в Москву уехал, нет тебя уже здесь, ясно? Зачем тебя в этот погреб понесло, не могу понять! Без тебя никак не обошлись бы?

Костя опять виновато улынулся.

Капитан спросил:

— А с машиной как?

— Утром, в пять часов, заедут за мной.

— Ладно. Садись. Поешь, отдыхай. Советую выспаться.

Хозяйка негромко сказала:

— У нас в избе тоже ээсовец жил. Офицер ихний.

— Какой же он был? — спросил Ромашов.

— Ничего. Он как-то даже лучше других. Никаких особенных зверств не делал. Спокойный такой...

Она замолчала, будто вспомнив о чем-то очень страшном.

Все смотрели на нее.

— Вот, помню, стоит как-то у крыльца, а на ступеньках Светланка сидела и мальчик соседкин, еще поменьше. А он на них посмотрел и так спокойно-спокойно, даже как будто с жалостью говорит: «А ведь они не будут жить. Они нам не нужны. Нам ваша земля нужна, а люди нам не нужны». И пошел к себе в комендатуру...

Лицо капитана побагровело. Он стукнул по столу сжатым кулаком:

— Врет! Гадина! Фашист! Будут жить наши дети!

Он резко отодвинул табуретку и заходил по комнате.

— Светлана, пойдй сюда! — Быстрым шепотом он сказал Косте: — Костя, будь другом, девчурка тут одна, сирота, отца и мать убили. Захвати ее с собой в Москву, в детский дом устрой... Сделаешь?

Девочка уже вошла в комнату и остановилась около капитана. Он провел рукой по ее волосам:

— Хочешь в Москву поехать, Светлана, в детский дом? Будешь учиться. Вот этот дяденька утром уезжает и тебя отвезет. Нравится он тебе? Поедешь с ним?

Теперь Светлана повернулась к Косте. Она увидела загорелое, румяное, совсем еще мальчишеское лицо и приветливые глаза, светло-карие, с теплыми золотыми искорками.

— Поедешь?

— Поеду.

— Ну и прекрасно! Понравился — значит, все в порядке. — Капитан вынул трубку и чиркнул зажигалкой. — Я пойду пройдусь немного. А потом — спать. Заслужили.

Он вышел на улицу. Федя, стоявший у окна снаружи, сочувственно поглядел ему вслед.

— Расстроился наш капитан, — сказал он хозяйке. — У него у самого жена и дочка неизвестно, живы ли, нет ли. Три года ничего о них не знает.

— Его дочку Галей зовут и она блондинка? — полувопросительно сказала девочка.

— А ты откуда знаешь? — удивился Ромашов.

— Так. Мне показалось.

— Ишь ты! «Блондинка»! Слова-то какие употребляет! — шутливо сказал Федя.

Девочка посмотрела на него черными глазами:

— А вы разве этого слова не употребляете?

— Ишь ты! — с добродушным удивлением повторил Федя. — Зубастая, как я погляжу! — Потом сказал: — Что же это ты, Светлана? Я только здесь, на крыльце, заметил: эсэсовца твоего мы прогнали, а пуговицы у тебя на кофточке самые что ни на есть гитлеровские, фашистские!

Светлана молча подошла к комоду, схватила ножницы и с видом сосредоточенной, недетской ненависти одну за другой отрезала все пуговицы.

Светлана проснулась ночью. Это было очень приятно — проснуться.

Прежде бывало так: увидишь во сне что-нибудь хорошее, а откроешь глаза — и сразу все-все вспомнится... И хотелось опять заснуть поскорее.

Теперь засыпать не хотелось. На печке было тепло и сухо, не то что в землянке-погребе.

Приятно было слушать дыхание спящих людей, шаги часового за окнами и думать: «Наши!» Это слово привыкли произносить с горячей надеждой, любовью и ожиданием: «Когда наши вернуться...», «Наши идут...», «Наши близко!»

И вот наши здесь, совсем-совсем близко... рядом! Светлана вдруг почувствовала, что в комнате еще кто-то не спит.

На кровати слышалось ровное дыхание. Там лежал капитан. В углу было тоже спокойно, там — Ромашов, тот, с темными усиками, а дальше — Федя. А вот на лавке у окна кто-то вздохнул и перевернулся с боку на бок... Чуть слышно скрипнула доска. Не спит Костя, румяный лейтенант, с которым она завтра поедет в Москву.

Опять скрипнуло что-то, потом шаркнули о пол сапоги — значит, он не лежит, а сидит на лавке.

Осторожно, чтобы не разбудить хозяйку, спавшую рядом, Светлана подползла к краю печки.

В избе было темно: все окна плотно завесили. Но все-таки кое-где в щелки пробивался лунный свет.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Светлана увидела, что Костя сидит, согнувшись, обхватив правой, здоровой рукой левую, завязанную, и раскачивается из стороны в сторону, будто баюкает ее. Потом что-то чиркнуло, желтый огонек зажигалки осветил на мгновение лицо, нахмуренное, с плотно сжатыми губами. Огонек погас, осталась только красная точка папиросы. Она беспокойно двигалась зигзагами туда и сюда.

В углу шевельнулся Ромашов, прислушался, тихо сказал:

— Ты что не спишь, Костя?

— Рука что-то разболелась, будь она неладна! — сердитым шепотом ответил Костя.

— Сходил бы в медсанбат.

— Спасибо! Чтоб из-за этой чепухи опять в госпиталь положили? Налезался!

— Еще бы не обидно, — посочувствовал Ромашов, — ни тебе повоевать, ни тебе маму повидать. Осколки-то все вынули?

— А кто их знает! Кажется, все.

Ромашов скоро заснул, а Косте, видимо, не вмоготу стало сидеть на одном месте. Он вышел в сени, осторожно прикрыв за собой дверь.

Светлана слышала, как на улице его негромко окликнул часовой.

Шаги то удалялись, то приближались к дому.

Кажется, Светлана все-таки задремала. Когда она проснулась опять, Костя уже снова сидел на лавке и курил, поджав под себя ноги, прикрывшись шинелью.

Он отодвинул немного одеяло, висевшее на окне, и смотрел в щель, как будто желая определить, скоро ли наконец начнется рассвет. И все перекладывал больную руку и так и эдак и никак не мог найти удобное положение.

Шофер открыл дверцу кабины:

— Садитесь, товарищ младший лейтенант!

— Нет, нет, — сказал Костя, — я не один еду, с вами девочка сядет, а я в кузов.

На крыльце Светлана прощалась с хозяйкой, обнимала ее «в последний раз», и еще раз, и «в самый последний»... Несмотря на ранний час, были провожающие. Клетчатый узелок с вещами девочки, совсем легкий вначале, увеличился почти вдвое: каждый из маленьких Светланиных приятелей считал своим долгом сунуть ей что-нибудь «на дорогу» или «на память». Капитан нагнулся и поцеловал девочку в лоб:

— Ну, Светлана, счастливо тебе!

Она серьезно ответила:

— И вам тоже.

Капитан протянул Косте руку:

— Так имей в виду, Костя, эту неделю мы еще здесь, а дальше — догоняй!

— Догоню, товарищ капитан! Светлана, садись к шоферу.

Но клетчатый узелок уже полетел в кузов. Светлана подпрыгнула, стала на широкое твердое колесо и с ловкостью мальчишки перемахнула через борт.